

Сразу после праздника середины осени над императорским дворцом Северной Чжоу сгустились фиолетовые облака, окутанные божественным светом. Громы девяти небес замерли в ожидании, словно готовясь явить миру нечто грандиозное, способное сокрушить основы бытия.

Ведомство по делам астрологии доложило:

— Небеса даруют благословение, страну ждут великие свершения.

Чиновники всех рангов лишь помрачнели: если уж эти льстецы заговорили о знамениях, значит, император снова задумал какую-то пакость.

И действительно, на утреннем докладе император, выпустив облако пара, изрек:

— Я желаю перенести столицу в Лоян!

Если бы такое предложил другой правитель, сановники немедленно набросились бы на него, засыпая доводами и брызжа слюной, чтобы этот зарвавшийся начальник понял: государство — не его личная вотчина, и столицу нельзя переносить по первому капризу.

Но беда в том, что нынешний владыка Северной Чжоу был мастером по части отсечения голов. Стоило кому-то открыть рот, как он тут же пускал кровь — приходил один, вырезали всю семью, и палач доставлял услугу прямо на дом. Поэтому, хотя в душе министры проклинали его на чем свет стоит, внешне они лишь подобострастно и дрожа от страха приняли это горькое лекарство.

На этом дело не закончилось. Император, прекрасно зная о двуличии своих подчиненных, небрежно бросил в пруд наживку: приказал кабинету министров составить списки тех, кто отправится в Лоян, и тех, кто останется в Хаоцзине.

Это был не список, а настоящая ловушка!

Бедолаги рвали жилы, пытаясь угодить тирану. Император заявил: перенос столицы на восток нужен, чтобы угрожать Южной Юй и продемонстрировать решимость объединить Поднебесную. А Хаоцзин останется вспомогательной столицей, важнейшим тылом, пренебрегать которым нельзя.

Министры тут же принялись уверять, что раз оба состава так важны, то они, конечно, с радостью выберут Лоян. В конце концов, если не сможешь шептать императору на ушко, то и в Хаоцзине будешь жевать лишь холодный ветер. Да и поговорка гласит: с глаз долой — из сердца вон.

В вопросе распределения должностей чиновники проявили невиданное благородство: одни били себя в грудь, требуя отправить их осваивать новый город, чтобы оставить процветающий Хаоцзин дорогим коллегам, другие же клялись, что готовы первыми принять на себя тяготы жизни в Лояне.

После того как обе стороны обменялись любезностями и поняли, что никто не собирается уступать, в них вскипела ярость.

В последние дни в Хаоцзине участились драки среди слуг влиятельных домов. Когда стража прибывала на место, видя, какие важные господа стоят за спинами побитых, они могли лишь подавать воду и подбадривать дерущихся, боясь вмешиваться.

Город бурлил, как котел.

Но в этом огромном мире всегда найдутся те, кто предпочитает лежать на боку, как вяленая рыба. Например, Фу Сиянь, чей жизненный девиз звучал так: Молюсь, чтобы близкие добились успеха, а я принял удобную позу и победил без усилий.

Помнится, в пятнадцать лет он еще носил имя Фу Хуньдин и сидел на задних партах семейной школы. Как только он озвучил этот девиз, все вокруг остолбенели, и отец, Фу Фу, в тот же вечер с почерневшим лицом переименовал его. Если бы не страх насмешек, Фу Фу сменил бы сыну имя на Фу Заткнись или Фу Не Мели Чепухи.

Однако попытки изменить характер человека через имя были обречены на провал. По сей день Фу Сиянь не проявлял склонности к молчаливости и даже в одиночестве постоянно что-то бормотал.

— Водород, гелий, литий, бериллий, бор, углерод, азот... — он подпер щеку рукой, пытаясь вспомнить остальное, и полез в детские записи. — Ах, точно!

Он вздохнул, потирая лоб:

— Когда память только вернулась, я помнил всё отчетливо, а теперь с возрастом всё забываю. Эх, хорошо, что я попал сюда и не нужно сдавать экзамены, с такими знаниями меня бы даже в ПТУ не взяли.

Фу Сиянь с тоской закрыл тетрадь, на обложке которой криво было выведено слово химия. Он спрятал её в шкатулку, где лежала и тетрадь по английскому. Эти знания были его единственным козырем в двух жизнях.

В прошлой жизни он погиб, спасая человека. С этой заслугой он переродился в семье Фу, и, возможно, из-за того, что выпил просроченный суп Мэн По, с трех лет начал постепенно вспоминать всё.

Отец, Фу Фу, после смерти деда унаследовал титул и с тех пор стал одержим идеей возрождения рода. Он был жаден до успехов, как старый скряга, и не давал спуска даже незаконнорожденным сыновьям. Это и была главная причина, по которой Фу Сиянь не мог наслаждаться жизнью.

Когда отец в очередной раз заговорил о переносе столицы, Фу Сиянь первым делом с пафосом

заявил, что полностью поддерживает императора и готов остаться в Хаоцзине, чтобы охранять тылы.

В зале воцарилась тишина. Госпожа Фу спокойно поднялась и увела наложниц. Фу Лиань многозначительно похлопал брата по плечу и увел остальных детей, предусмотрительно закрыв за собой дверь.

В центре зала остался Фу Фу, а за его спиной на подставке зловеще дрожал широкий тесак.

Фу Сиянь сглотнул. У него возникло нехорошее предчувствие.

— Я просто следую воле императора, — неуверенно буркнул он, пытаясь придать себе вид политически грамотного человека.

Фу Фу посмотрел на сына, который всегда отличался странностями, и вздохнул:

— Ты думаешь, император такой же ветреный, как ты? Еще до указа он перетянул на свою сторону кучу людей. Мы не получили вестей лишь потому, что наш дом не имеет веса! Ты хочешь остаться в Хаоцзине, но сначала посмотри, сможем ли мы вообще попасть в Лоян.

— Тогда почему ты не стараешься? — прошептал Фу Сиянь. — Вечно твердишь, что я никчемный, а сам тоже не особо рвешься.

Фу Фу глубоко вдохнул:

— Подойди сюда.

— Не буду, — пробормотал Фу Сиянь. — Снова скажешь, что ты не ленив, а мне придется подставить голову под удар.

Фу Фу выдавил улыбку:

— Не буду я тебя бить.

Фу Сиянь с недоверием посмотрел на тесак:

— Врешь, небось, потом еще и растолстеешь от вранья.

Фу Фу окончательно вышел из себя:

— Посмотри на себя! Ты и так уже как бочка, и слова правды от тебя не дождешься!

Фу Сиянь обиделся. Он с пяти лет пытался похудеть: диеты, упражнения, голодание — всё без толку. Когда он перевалил за сотню килограммов, он просто сдался.

Фу Фу, вспомнив, как маленький сын на рассвете бегал, пытаясь сбросить вес, немного смягчился:

— Четвертый, жизнь — это не только путь воина или ученого.

Фу Сиянь испугался:

— Ты что, хочешь меня выдать замуж?

— Брак — это союз семей, а не вражда, — Фу Фу посмотрел на пухлое лицо сына и невольно вспомнил его красавицу-мать. Если бы не этот лишний вес, сын мог бы стать завидным женихом.

Фу Фу вздохнул и продолжил:

— Нужно найти ту, что пойдет за тебя по доброй воле.

Фу Сиянь надулся:

— С чего ты взял, что такой не найдется?

— В народе говорят: жену выбирай по добродетели, а мужа — по сердцу. Какая девушка захочет выйти за ленивца, который мечтает только лежать?

Фу Сиянь выпятил грудь:

— А я добродетельный!

За дверью Фу Лиань, проводив младших, ждал в дворике. Вскоре из зала донеслись звуки экзекуции.

— Видишь, — сказал он младшему брату, — если вокруг одни трудолюбивые люди, ленивому не поздоровится. Лучше рассчитывать только на себя.

В этот момент во двор вошел Фу Сюань. Увидев его, Фу Фу перестал колотить сына, поправил одежду и вышел, полный бодрости, оставив Фу Сияня лежать на полу.

— Опять старший бьет Четвертого? — спросил Сюань.

Увидев повязку на лбу брата, Фу Фу нахмурился:

— Что с твоим лбом?

— Чуй сегодня перегородил мне путь, требовал поединка.

— Зачем?

— Он хочет в Лоян и использует меня как ступеньку. Но проиграл, так что даже оправдаться нечем. Не зря я все эти годы притворялся слабым.

Фу Фу был обеспокоен:

— Гвардия Юйлинь — место под прицелом императора. Если ваши стычки ему не понравятся...

Фу Сюань усмехнулся:

— Разве этот хаос не то, чего он хочет? Для него подчиненные должны грызться, чтобы его стул стоял крепче.

Фу Фу понимал это, но был осторожен. Однако он всегда поддерживал Сюаня:

— Хорошо, я как раз достал пару вещиц, отвези их в подарок.

Когда разговор перешел к делам, Фу Сиянь, который до этого притворялся побитым, быстро поднялся и, как только оказался вне поля зрения, весело зашагал прочь, напевая песенку. Его жирок был не просто весом — он служил отличной защитой, так что отцовские удары были для него лишь легким почесыванием.

Внезапно его плечо схватили. Фу Сюань с усмешкой сказал:

— Хватит притворяться. Отец тебя никогда по-настоящему не бил.

— Зато каждый раз делает вид, что бьет, — буркнул Сиянь.

— Не вини его, тебе шестнадцать, пора остепениться.

— Ты тоже считаешь, что мне нужно жениться по расчету?

— Мужчина должен сначала построить карьеру, — отрезал Сюань.

Фу Сиянь вздохнул. Он пытался стать воином, но, несмотря на наличие внутренней энергии, она не циркулировала. Пытался стать ученым, но иероглифы не давались.

— Завтра утром пойдешь со мной в гвардию Юйлинь, — сказал Сюань.

— Разве туда легко попасть?

— У тебя есть внутренняя энергия, а ты из дома граната Юнфэна. Этого достаточно.

Фу Сиянь не горел желанием, но отказаться было сложно. Он знал, что в этом мире, где встречают по одежке, его внешность вызывает лишь насмешки. Но ради семьи он решил попробовать.

— Там будет очень тяжело? — осторожно спросил он.

— Не бойся, я присмотрю за тобой.